

* * *

Скорее вспомни, скорее,
Где и кого оставил,
Не становись злее,
Не нарушай правил.

Нет на тебя управы –
Только лишь Бог и ветер, –
Жизни пиши главы,
Мир ещё так светел.

Жизнь для тебя – книга,
Жизнь для тебя – слово,
Жизнь – это полмига,
С Крещения до Покрова.

* * *

Хранитель, объясни и напиши,
Мне не понять течение нашей жизни.
Мы гибнем в затяжной дороговизне,
Мы в пересудах только хороши,
Не думая о страстной укоризне.

Случалось, я бросал и предавал,
И путались у ног моих интриги,
Но не был я героем высшей лиги –
Я брал на миг недолгий интервал
И силы черпал из отцовской книги.

Я жизнью громкой пропитался вволю,
Я вдаль смотрю, ни капли не дрожа,
Сердито пью и, закусив с ножа,
Иду на свет по царственному полю,
И надо мной святые сторожа.

* * *

В беззвёздный час, когда неразбериха
За мной проворно ходит по пятам,
Хозяйка ночи, улыбнувшись тихо,
Глядит настырно из оконных рам.

В домашнее тепло вползает морок,
В нём люди обессиленные спят,
И только мягкий свет внутри лампад
Напоминает, кто мне в мире дорог.

И в этот миг из черноглазых ниш
Крадётся перебежками, но ловко
Кичливая, раскормленная мышь,
И бьёт по жизни серой мышеловка.

* * *

Какая в длинной жизни перспектива?
Сидеть в тепле, работать за столом
И размышлять, отважно и пугливо,
Таращиться на капли за окном.

Всё рифмовать и составлять конспекты,
И понимать, что жизнь – сплошной урок,
Взирать, как переулки и проспекты
Считают каждый сброшенный листок.

И ждать покорно ангельского сыска,
Пересчитав грехов своих тома,
В которых жизнь – дрожащая курсистка –
Причины горя прячет от ума.

Предвосхищать перерождение смысла,
Который не постигнуть мне никак,
И видеть, как звезда любви нависла
И свет читает полутьме кондак.

КЛИКУНЫ

Зачем уносят счастье кликуны
В исчадие трагических промоин?
Как небо, я растроган и расстроен,
А в сердце дни тепла не спасены.
И с чувством подрастающей вины
Живу во сне, как неубитый воин.

Такой удел по мне, и что такого?
Я не считал свой временной запас,
На краткий миг даровано мне слово
В момент, когда томительно погас
Осенних ливней обнажённый час
И не осталось ничего живого.

Но прокричат, как трубы, кликуны,
Раскидывая надо мною крылья,
Что нет в ушедшей осени вины,
Что все мы будем скоро спасены
От жёлтых снов и алого бессилья
В святых отрогах горней стороны.

* * *

Столетье платежей и ипотек –
И кажется, что будет только хуже, –
Но так же на асфальте мёрзнут лужи,
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу разве что поуже.

Поуже, да ещё не всем видна –
Нет светофоров, постовых, разметки,
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница – полная луна,
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.

* * *

Мир, возьми, в одночасье и рухни,
Только видно во мраке подпалом,
О несметном, срединном и малом
Часть меня размышляет на кухне.

Сквозь просветы я вижу, что некто
Ходит-бродит в тиши колоколен,
Вдоль немых параллелей проспекта,
Каждый вздох его, знаю, намолен.

Только встретиться нам не придётся:
Мы с ним в тёмных, затянутых ссорах,
Но сегодня в безлунных просторах
Нам рассвет приоткроет воротца.

СУГРОБЫ

Ты веришь сугробам? Они мудрецы:
Кого ни возьми, он и зорок и сед,
Учёт бесконечных и строгих бесед
Ведут от рождения зданий торцы:
Пред ними стоишь, одинок и раздет,
Ты – вечный ответчик, они же – истцы,
И так до скончания ветреных лет.

И кажется: только тебе невдомёк,
Когда был затеян морозный процесс,
Какой у сугробов действительный вес,
Но дворник решительный быстро помог –
И вот пошатнулся и твой интерес.
Быть может, тот дворник уже полубог,
Сошедший на миг с вдохновенных небес.

Не только твоё промерзает нутро,
Иди и смотри на сгущение масс.
Рождает минута межсуточный час,
Сплетение судеб вершится в метро,
И только великий горячий наказ
Приносит на землю с рассветом ядро:
Всё это создано Богом для нас.

* * *

Ты думала, кончилась сказка,
И я в строчных дебрях страниц,
Где холодно, ветрено, вязко,
Паду сокрушительно ниц.

И вечер – прощанья сподвижник –
Сотрёт в твоём сердце мой лик,
И я затеряюсь меж книг,
Как в озере снежном булыжник.

Возможно, права ты по сути:
Я вспыльчив, заносчив и груб.
Но сходятся разные люди,
И книжку не сдаст книголюб.

* * *

Знаю, что ты, не уснувши,
Наносишь на прошлое штрих,
И наши не сходятся души,
И вой непогоды затих.

Снежинки спускаются робко.
К тебе я дойти не успел,
И вот между нами пробел,
Точка, тире или скобка...

Разные вводятся знаки,
Месяц в сомненьях навис.
После словесной атаки
Поставь между нами дефис.

* * *

Я знаю: расставанья не в чести,
Но свет подлунный в облаке завис,
И крысы бросили в углу скрести –
И нет в подполье суетливых крыс.

Прощайте, попрошайки-грызуны!
Я проживу без ваших цепких лап,
И солнца побеждающий нахрап
Ведёт меня в преддверие весны.

Разносчики бессонниц и чумы,
Предвестники крушенья кораблей,
Вы были возбуждением зимы,
И вы ушли, голодные, за ней.

* * *

Я снами зимними, казалось, обессилен,
Их проводы плаксивы, тяжелы,
Мне верится, блеск неземных светилен
Избавит мир от снежной кабалы.

Я не поверю льдистым челобитным
И удержу метели взаперти,
Слова и мысли полумраком слитным
К весне летят, уже на полпути.

Смущаясь, солнце подступает к тучам,
И луч пугливый, словно визитёр,
Бредёт в тоске по лежбищам скрипучим,
Как блудный сын, идущий в отчий двор.

* * *

Арсению Замостьянову

Мгновенья кружат в кольцевой атаке,
И жизни наступил полуфинал.
О чём ты думал и чего ты ждал?
Ты состоял с природой в длинном браке,
В нём листопад меняет снеговал
И греют звёзды – вечные гуляки.

Но до весны всего один вершок,
Все разойдутся, но поодиночке.
Зима уйдёт в разорванной сорочке,
Весна нажмёт на спусковой крючок
И, выпуская на деревьях почки,
Тебе подарит лето между строк.

Вкусив тепла, пророки и зеваки
Поделятся на псов и на щенят,
Осудят рай и устремятся в ад,
Не ведая, что из воздушной раки,
В дождях и вьюгах всепрощенья знаки
Им посылает Тот, Кто был распят.

